

ЛИЗА КЛЯЙН

МОЕ

ИМЯ

ОФЕЛИЯ

Все новые сказки

Лиза Кляйн

Мое имя Офелия

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)-44

Кляйн Л.

Мое имя Офелия / Л. Кляйн — «Издательство АСТ»,
2019 — (Все новые сказки)

ISBN 978-5-17-109741-7

Он – Гамлет, принц Дании. Она – всего лишь Офелия. И если вы думаете, что знаете их историю, подумайте еще раз. Представим на минуту, что великий Бард был неправ... или слукавил, а несчастная невеста принца Датского осталась жива. Как бы сложилась ее дальнейшая жизнь после трагических событий в замке Эльсинор, и что привело к этим событиям НА САМОМ ДЕЛЕ? Написанный в лучших традициях исторического романтизма, полный неожиданных поворотов роман Лизы Кляйн предлагает взглянуть на «Гамлета» глазами Офелии и, быть может, заново открыть для себя бессмертную трагедию Шекспира.

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-109741-7

© Кляйн Л., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лиза Кляйн

Мое имя Офелия

© Lisa Klein, 2006

© Н.Х. Ибрагимова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящаю моим родителям, Джерри и Мери Кляйн

Пролог

Сент-Эмильон, Франция

Ноябрь 1601 г.

Миледи!

Молю Бога, чтобы это письмо нашло вас в надежном месте. Пишу кратко, так как, если слова причиняют лишь боль, лучше, чтобы их было меньше.

Двор короля Дании лежит в руинах. Последние плоды зла рассыпали свои смертоносные семена. Наконец-то король Клавдий умер, отравленный собственным ядом, справедливость восторжествовала. Гамлет порастил его мечом, который отравил сам король. Королева Гертруда лежит, уже похолодевшая, она выпила кубок с ядом, который король предназначал для Гамлета. Именно вид умирающей матери, наконец-то, заставил Гамлета совершить месть.

Но самое большое горе в том, что ваш брат Лаэрт и принц Гамлет поразили друг друга отравленными мечами. Я не выполнил задачу, которую вы передо мной поставили. Теперь Фортинбрас Норвежский правит в нашей покоренной стране.

Простите Гамлета, умоляю вас. Перед смертью он поручил мне оправдать его перед вами. Поверьте мне, до того, как жажда мести овладела его разумом, он горячо любил вас.

И также простите, но не забывайте,

Вашего верного друга и поклонника

Горацио

Это письмо оглушает меня, мною заново овладевает боль, да такая острая, что я даже не могу подняться с постели.

Мне снится замок Эльсинор, огромный каменный лабиринт. В его центре – обширный пиршественный зал, согриваемый пламенем очагов, по нему снуют придворные, как потоки живой крови текут через сердце; здесь царили король Гамлет и королева Гертруда – мозг и душа, скрепляющие весь организм. Теперь весь огонь и вся плоть – всего лишь холодный прах.

Мне снится мой возлюбленный, остроумный, темноволосый принц Гамлет, такой, каким он был до того, как его отняли у меня безумие и смерть.

Перед моим мысленным взором встают зеленые сады Эльсинора, где ветви деревьев клонились к земле и роняли сладкие груши и яблоки прямо нам в руки. Тот сад, где мы поцеловались в первый раз, наполненный острым запахом розмарина и умиротворяющим ароматом лаванды, теперь весь увял и облетел.

В моем сне журчит тот роковой ручей, в котором я плавала ребенком, где ветви ивы скользят по воде. В этой воде я нашла свой конец и начала жизнь заново.

Я вижу себя и Гамлета, окутанных туманом на крепостной стене, где невидимый призрак стал свидетелем наших объятий, а потом повернул мысли Гамлета от любви к мести. Я вижу внушающее страх лицо Клавдия, дяди Гамлета, который убил его отца и женился на его матери, моей дорогой королеве Гертруде, которую он отравил.

Увы, мой Гамлет мертв! А с ним погиб весь Эльсинор, как Эдем после грехопадения.

Я, Офелия, сыграла роль в этой трагедии. Я служила королеве. Я пыталась управлять поступками принца. Я узнала опасные тайны и выступила против тирана Клавдия. Но как все

пришло к такому концу, к гибели всего моего мира? Меня гложет чувство вины за то, что я жива, когда все погибло. Что я не смогла изменить роковой ход событий.

Я не смогу успокоиться, пока эта история не будет рассказана. Не будет мне покоя, пока эта боль гнетет мою душу. Хотя я прожила всего шестнадцать лет, моя жизнь была полна печали. Подобно бледной луне, я угасаю, устав видеть бедствия мира, и снова восстаю, полная жизни. Но, подобно солнцу, я хочу рассеять тьму вокруг меня и пролить свет истины. Поэтому я беру перо и пишу.

Вот моя история.

Часть первая

Эльсинор, Дания 1585–1601 гг.

Глава 1

У меня никогда не было матери. Леди Фрауэндел умерла, когда я родилась, лишив своей любви и заботы также моего брата Лаэрта и моего отца Полония. У меня не осталось ни клочка кружева, ни даже воспоминания о ее запахе. Ничего. И все же, глядя на ее миниатюрный портрет в рамке, который носил отец, я понимала, что очень похожа на нее.

Мне часто становилось грустно при мысли, что я была причиной ее смерти, и поэтому отец не мог любить меня. Я старалась не раздражать и не огорчать его еще больше, но он никогда не уделял мне такого внимания, какого мне бы хотелось. Он и к Лаэрту, его единственному сыну, относился без особой любви. Отец смотрел куда угодно, только не на наши лица, потому что в его честолюбивые планы входило занять положение самого ценного тайного осведомителя короля.

Мы жили в деревне Эльсинор, в красивом доме, с витражами в деревянных оконных рамах. Мы с Лаэртом играли в саду, за которым когда-то ухаживала наша мать, но клумбы заросли травой после ее смерти. Я часто пряталась в высоких кустах розмарина, и меня потом весь день окружало облако его острого аромата. В жаркие дни мы плавали в извилистой речке Эльсинора, там, где она протекала через ближний лес, и ловили лягушек и саламандр на ее поросших травой берегах. Проголодавшись, воровали яблоки и сливы на базарной площади и убегали, как кролики, а торговцы кричали нам вслед. По ночам ложились спать на чердаке, куда в холодные ночи поднимался дым от кухонных очагов и висел под стропилами, согревая нас.

На первом этаже нашего дома находилась лавка, куда придворные дамы и господа посылали слуг купить перья, ленты и кружева. Мой отец презирал торговцев за их незнатное происхождение, считал недостойными людьми, но мирился с ними и общался с покупателями в надежде услышать придворные сплетни. Затем, надев дублет и рейтузы по придворной моде, он спешил по широкой дороге вместе с толпой тех, кто стремился получить должность при дворе короля Гамлета. Иногда мы не видели отца несколько дней и беспокоились, не бросил ли он нас, но он всегда возвращался. Потом отец или взволнованно рассказывал о какой-нибудь удаче, которая наверняка ему улыбнулась, или был молчалив и мрачен. Мы с Лаэртом подглядывали в щелку двери отцовской комнаты и видели, как он склонялся над маленькой кучкой монет и бумаг, качая головой. Мы были уверены, что отцу грозит разорение, и гадали, лежа без сна на чердаке, что тогда будет с нами. Станем ли мы такими, как тот мальчик-сирота, которого мы часто видели на улицах деревни просящим хлеба и подбирающим мясные объедки, как дикое животное?

Упорное стремление отца получить должность поглотило состояние нашей семьи, остатки приданого матери. Но он все-таки сумел нанять наставника для Лаэрта, ученого человека в черной шапочке.

– Девочка не должна быть праздною, потому что тогда дьявол может добраться до тебя, – сказал мне отец. – Поэтому учись вместе с Лаэртом и извлекай из уроков ту пользу, какую сможешь.

Поэтому, с того времени, как я научилась выговаривать слова, а брат научился рассуждать, мы каждый день занимались по несколько часов. Читали псалмы и другие стихи из Библии. Меня поражало Евангелие от Иоанна, с его ужасными откровениями об ангелах и диких зверях, которых выпустят на свободу в конце времен. Я любила читать о Древнем Риме, и

быстрее брата находила мораль в баснях Эзопа. Вскоре я умела считать не хуже него. И научилась заключать сделки с Лаэртом, который не любил учиться.

– Я переведу за тебя эти латинские тексты, если ты сначала отдашь мне свое пирожное, – предлагала я, и он с радостью соглашался. Наш отец хвалил учебу Лаэрта, а когда я показала ему свои аккуратные ряды цифр, он только погладил меня по голове, будто я была его собачкой.

Лаэрт был моим постоянным спутником и моим единственным защитником. После уроков мы вместе с другими детьми играли в пятнашки на пыльных улицах или на деревенской лужайке. Я была маленькая, и меня легко ловили и заставляли стоять в круге под названием «ад» до тех пор, пока я не поймаю кого-нибудь другого и не освобожусь, или пока Лаэрт не сжалится надо мной. Однажды Лаэрт спас меня от собаки, которая ухватила меня зубами за ногу и разодрала спину когтями. Он избил собаку до потери сознания и вытирал мою кровь своей сорочкой, пока я в ужасе прижималась к нему. Мои раны зажили, а отец велел мне не беспокоиться: он сказал, что шрамы никто не увидит до тех пор, пока я не выйду замуж. Но еще много лет я дрожала от страха при одном виде комнатной собачки на руках у какой-нибудь дамы.

Наверное, у меня были нянюшки, которые ухаживали за мной, но я не помню ни их имен, ни их лиц. Они не слишком заботились обо мне, отпускали гулять на свободе, как домашнюю козочку. Никто не чинил мою порванную одежду и не удлинял юбки, когда я из них вырастала. Я не помню ни нежных слов, ни душистых поцелуев. Отец иногда ставил меня на колени, клал ладонь на голову и торопливо произносил благословение, но рука у него была тяжелая, а прикосновение – не такое нежное, как мне бы хотелось.

Отец нашел работу раньше, чем мы разорились. Он случайно добыл сведения о враге Дании, норвежском короле Фортинбрасе. За это он получил почетную должность министра короля Гамлета. Отец так говорил об этой награде, будто его сделали правой рукой самого Бога, и с этих пор нас ждет замечательная жизнь.

Мне было всего восемь лет, а Лаэрту двенадцать, когда мы переехали из деревни в замок Эльсинор. По этому случаю я получила новый комплект одежды и голубую шапочку, расшитую бисером, на непокорные волосы. Мы с Лаэртом бежали рядом с повозкой, на которой перевозили наше имущество. Я болтала без умолку от волнения.

– Этот замок будет похож на рай, такой, какой видел Святой Иоанн? У него будут башни, сверкающие золотом и драгоценными камнями? – спросила я, но отец только рассмеялся, а Лаэрт назвал меня глупой.

Вскоре суровые башни Эльсинора показались на фоне голубого неба. По мере того как мы приближались, замок выглядел все более громадным, он был больше целой деревни, и даже солнце не могло оживить его серые каменные стены. Эльсинор не сиял и не сверкал. Бесчисленные темные окна выстроились тесными рядами, как шеренги солдат. Когда мы прошли под тенью ворот во двор замка, мое разочарование переросло в ужас. Я задрожала. Я потянулась к руке отца, но поймала только край его плаща, его складки ускользали, как вода.

Глава 2

Две маленьких комнатки на первом этаже неподалеку от домика привратника стали нашим новым жилищем. По сравнению с просторным домом, возвышавшимся над деревенскими улицами, комнаты замка показались нам темными и сырыми. Единственной мебелью были кресло, три табурета и буфет из дуба. К этому отец прибавил немногие предметы, которые были достаточно хороши для нашего жалкого жилища в замке: вышитые подушечки, перины из гусиного пуха и несколько серебряных блюд. Окна выходили на конюшни, а не на оживленный двор замка, суливший множество развлечений. Но отец потирал руки от восторга, так как даже это убогое жилье служило доказательством его удачи.

– Я завоюю расположение короля и буду носить шляпу, отороченную мехом, а король будет доверять мне свои самые сокровенные тайны, – с уверенностью говорил он.

На первом пиру при дворе, на котором мы присутствовали, я была слишком взволнована и ничего не ела. Все было новым и удивительным. Король Гамлет казался мне великаном со своей широкой грудью и огромной бородой. Его голос напоминал раскаты грома. Принц Гамлет, которому тогда было лет четырнадцать, носился по залу, довольно грациозно, и вытворял всякие глупости. Его темные волосы так и летали вокруг его головы. Я была в таком восторге, что тоже пустилась в пляс. Королева Гертруда подошла ко мне и со смехом пощекотала меня под подбородком. Я улыбнулась ей в ответ.

Потом я увидела шута, прыгающего по залу в фантастическом цветном наряде. На нем была остроконечная шляпа со звенящими бубенчиками и пестрый костюм. Казалось, они с Гамлетом подражали выходкам друг друга. Меня вдруг охватило смущение, и я убежала к отцу.

– Ах, ты, моя красавица, – сказал отец. – Королева тебя заметила. Иди, потанцуй еще. – Но я не двинулась с места.

Я наблюдала за шутком, который напоминал мне шипящий, искрящийся фейерверк. Хотя я не слышала его шуток, я видела, как король хохотал и кашлял, пока его лицо не побагровело, и он не начал задыхаться. Он привстал со своего кресла, а стражник стал бить его кулаком по спине, пока у него изо рта не выплеснулся эль. Тогда шутник сам схватился за свое горло и упал на пол, дергая руками и ногами и изображая смерть. Принц Гамлет присоединился к представлению и толкал шутника до тех пор, пока тот не вскочил снова, как теннисный мячик, вспрыгнул на стол короля и запел.

– Кто это? Почему он так странно себя ведет? – спросила я у отца.

– Его зовут Йорик, он личный шут короля. Подобно идиоту, или безумцу, он может безнаказанно высмеивать короля. Его выходки ничего не значат, – ответил отец и махнул рукой.

Я смотрела, как Йорик помогал Гамлету сделать кульбит перед королевой, и она захлопала в ладоши, когда он перевернулся через голову.

– Мать просто молится на юного принца, – пробормотал отец себе под нос.

– Почему? Он для нее бог? – наивно спросила я.

– Нет, глупышка, это значит, что она его просто обожает, – ответил отец.

На мгновение я позавидовала Гамлету. Но я тоже чувствовала, что не могу оторвать от него глаз, и после того вечера искала встречи с принцем по всему Эльсинору. Я знала, что с таким живым характером он будет прекрасным товарищем по играм. Лаэрт тоже так считал. Когда один из его спутников объявил о приближении Гамлета, брат поспешил во двор, и я побежала за ним. В самом деле, Гамлет притягивал молодых людей при дворе, как магнит притягивает кусочки железа, и он благосклонно принимал наше обожание, не презирая нас. Я смотрела, как принц показывал нам трюки и фокусы, которым научился у Йорика, но никогда не решалась заговорить с ним.

У Гамлета был товарищ, парень с рыжеватыми кудрями и худыми руками и ногами, который сопровождал его повсюду. Горацио был столь же неторопливым, сколь Гамлет – бойким, и столь же молчаливым, сколь Гамлет – разговорчивым. Мальчиками младше себя Гамлет командовал, но с Горацио он беседовал серьезно. Горацио улыбался, когда улыбался Гамлет, и кивал, когда кивал Гамлет. Он всегда держался рядом с принцем, подобно тени.

Мне было десять лет, когда я в первый раз заговорила с принцем Гамлетом. Это произошло в день его рождения, когда Гамлет вместе с королем и королевой торжественно шествовал по деревне и по окрестностям замка. Вместе с отцом и Лаэртом я стояла в толпе, во дворе Эльсинора, и ждала его возвращения. От волнения я прыгала с ноги на ногу, сжимая в одной руке букетик диких фиалок, перевязанных белой ленточкой. Их желтые личики под пурпурными капюшонами уже начали клониться вниз, увядая на солнце, поэтому я старалась заслонить их другой рукой. Потом все закричали «Принц идет!».

– Нахальные щенки! – пробормотал отец сквозь зубы, когда двое мальчиков протиснулись вперед и встали перед нами. – Вечно лезут вперед и оттирают старших.

– Теперь он нас не увидит! – заплакала я. – Пожалуйста, отец, подними меня.

Он выполнил мою просьбу, кряхтя и постанывая, локтями отодвинул мальчишек и посадил меня на плечо. Теперь я видела двор до самых ворот Эльсинора.

Музыканты и служители расчищали путь, когда Гамлет въехал в ворота на сером коне с черной гривой, заплетенной в косу. Придворные и зеваки махали руками и криками приветствовали его, бросали цветы и дарили подарки юному принцу, проезжавшему мимо. Гордясь всадником, конь вскидывал голову и гарцевал, а Гамлет приветствовал толпу величественными жестами. Король и королева следовали за ним и вели себя более сдержанно, то хмурясь, то улыбаясь его выходкам. Я в нетерпении подалась вперед. Отец сжал мои ноги, чтобы сохранить равновесие.

– Ура! Ура! – кричал Лаэрт. Рыжеволосый Горацио стоял рядом с ним и хлопал себя по бедрам, стараясь внести свою лепту в общий шум по мере приближения Гамлета.

Я замахала рукой с букетом и закричала:

– Фиалки для принца!

– Громче, детка, – сказал отец, делая шаг вперед, к проходящей процессии. В этот момент Гамлет подъехал на своем коне и протянул руку, чтобы пожать руку Горацио и поприветствовать Лаэрта. Я снова крикнула, на этот раз по-французски, стараясь привлечь к себе его внимание:

– *Pensee pour le prince!*

Возможно, мой жалобный вид и умоляющий голос вызвали сочувствие у королевы, потому что она крикнула Гамлету:

– Посмотри на малышку!

Я возмутилась тем, что меня сочли «малышкой». Если бы королева посмотрела внимательнее, она бы увидела, что я уже слишком большая, чтобы сидеть на плечах у отца. Но мне отчаянно хотелось быть замеченной.

Послушав мать, Гамлет огляделся. Я вытянула к нему руку с букетом. Хрупкие цветочки дрожали на тонких стебельках. Принц увидел меня, и когда наши взгляды встретились, я одарила его своей самой очаровательной улыбкой.

– Фиалки на память принцу. Эти цветы для вас, милорд. Думайте обо мне, – произнесла я по-французски, стараясь перекрыть своим слабым голосом шум. Я сама подбирала эти слова, хотела продемонстрировать свой французский язык, надеясь порадовать отца тем, что привлекла к нам внимание. И мне хотелось прикоснуться к руке принца.

Но меня ждало разочарование. Гамлет протянул руку и взял цветы, не дотронувшись до моих пальцев, и не обратив внимания на мои слова. Когда он поехал дальше, я увидела, что

фиалки выскользнули из его руки в перчатке и упали на землю, а там их затоптали многочисленные копыта коней и ноги людей. Должно быть, я громко заплакала.

– Не трать зря слез, малышка, – сказал Горацио. – Мы, мальчишки, никогда не обращаем внимания на цветы.

– Да, нам надо дарить вместо них палки и мечи, – рассмеялся Лаэрт, изобразив дуэль на шпагах с Горацио. Но я все равно надула губки.

– Послушай, – добрым голосом произнес Горацио, беря меня за руку. – Принц Гамлет пренебрег не только твоим подарком. Он не в состоянии удержать в руке столько цветов.

Действительно, я увидела, что земля позади него усыпана пыльными ленточками и раздавленными цветами, увядающими на дороге, а Гамлет даже не замечает этого.

Глава 3

Я была разочарована, когда моя попытка привлечь к себе внимание Гамлета в день его рождения провалилась. Но вскоре, когда я меньше всего этого желала, он меня заметил, и я была очень смущена.

В деревне был оживленный базарный день. Мы с Лаэртом ссорились. Его товарищ, тупоумный мальчик постарше по имени Эдмунд, показал мне нос, и еще больше разозлил меня. Неожиданно мимо проехала тележка, набитая блеющими ягнятами, и одно из самых маленьких животных протиснулось сквозь деревянные прутья и прыгнуло на дорогу. Внезапно обретя свободу, ягненок затрусил прочь. Лаэрт увидел подходящий случай развлечься и погнался за ним. Он бегал быстро, легко догнал ягненка и прыгнул на него. Потом подбежал Эдмунд и начал тыкать в него палкой. Слабое блеянье ягненка пробудило во мне жалость.

– Прекрати, Эдмунд! – закричала я, но глупый мальчишка только смеялся надо мной. Я в ярости набросилась на Лаэрта и повалила его в пыль.

– Убирайся от меня, ты, маленькая чертовка! – Мой брат, задыхаясь в пыли, ругал меня, но крепко держал ягненка.

– Отпусти его, ты, злобный щенок! Это всего лишь крохотный, невинный ягненок, – кричала я, колотя его по спине. – Я тебя ненавижу!

– Что это? Кого я вижу! – удивленно воскликнул чей-то голос.

Я подняла глаза, сидя верхом на брате. Перед нами стояли принц Гамлет и Горацио. Эдмунд убежал.

– *Je le pensais*. Я так и думал! – произнес Гамлет.

Позже я вспомнила, что принц сказал это по-французски, и гадала, не хотел ли он показать мне, что помнит мой подарок, фиалки. Но тогда я сильно покраснела, стыдясь того, что Гамлет видел меня во время драки с братом.

– Это же та буйная девочка и ее брат, – сказал он Горацио. – Они родственники, ты видишь, но не так уж добры друг к другу.

Я не успела принять достойную позу, и решила хотя бы освободить ягненка. Я ущипнула Лаэрта за локти, он вскрикнул и отпустил его. Ягненок сначала зашатался, но потом бросился бежать, он не очень пострадал. Я слезла со спины брата и стояла, упершись кулаками в бока, я пыталась вести себя вызывающе, хотя у меня подгибались ноги.

Лаэрт хмуро смотрел на меня. Действительно, его позор был больше моего, ведь над ним взяла верх маленькая девочка. Мне его было немного жаль; но все-таки я наслаждалась своим триумфом.

– Смотри. Я тебе покажу, как одолеть маленькую злючку, – сказал Гамлет и подмигнул моему присмиревшему брату.

Он обхватил меня за талию и поднял выше своей головы. Я онемела от изумления, и затрепетала от волнения. Я держалась за плечи Гамлета, чтобы не упасть, а он кружил меня, пока я не закричала от страха и восторга. Потом он бросил меня на стог сена, на котором я растянулась, задыхаясь, у меня кружилась голова. Горацио протянул мне руку и помог встать на ноги.

– Из-за тебя девочка заболит, – сказал он, держа меня под руку, так как я покачивалась.

– О, нет! Сделайте так еще раз, милорд, прошу вас! – молила я, но Гамлет уже повернулся к моему брату.

– Пойдем, мальчик, давай поборемся, – предложил он Лаэрту.

Я смотрела на схватку брата с принцем, видела, как быстрота и горячность Лаэрта противостоит хладнокровной ловкости Гамлета. Ягненок был забыт. Собралась толпа мальчишек, они аплодировали и подбадривали их криками, а Горацио стоял рядом с насмешливым видом.

Время от времени меня пробирала дрожь, когда я вспоминала, как принц крепко держал меня, обхватив руками за талию.

Лаэрт после этой схватки был весь в пыли, задыхался, и мне показалось, что он побежден. Но он гордился, забыв о своем унижении.

В тот вечер брат хвалился перед отцом, желая его обрадовать.

– Ты видела, Офелия, как я крепко держал прижатыми к телу его руки, пока не отпустил его?

Не желая опять поссориться с ним, я просто кивнула. Отец был доволен, так как он очень надеялся, что Лаэрт станет таким же доверенным придворным, наперсником Гамлета, как Горацио.

– Хорошо служи принцу, и когда-нибудь будешь служить королю, – наставлял отец брата. – Будешь плохо служить ему, и наши дни сочтены! – он чиркнул пальцем по своему горлу. Всем, даже детям, был известен тот простой факт, что гнев короля, даже такого доброго, как король Гамлет, может привести к гибели.

Чтобы угодить отцу, Лаэрт пользовался любым случаем вызвать на соревнование принца Гамлета. Он знал: чтобы подняться при дворе, ему надо овладеть всеми видами спорта и боевыми приемами. Со временем он повысил свое мастерство, и иногда ему удавалось победить Гамлета на соревнованиях лучников.

Однажды я наблюдала, как они тренировались в бою на мечах, используя ветки молодых деревьев. Я заметила, что брат, хоть и моложе по возрасту, почти догнал ростом принца. Сражаясь своим безобидным оружием, Лаэрт и Гамлет делали выпады и отражали удары со всей серьезностью. Я прикрыла рот ладонью, чтобы подавить смех.

Горацио, который, как обычно, стоял рядом, наклонился ко мне и заговорил, чем удивил меня.

– Я поставлю на принца. А вы, миледи?

У меня была рваная юбка, растрепанные волосы. По правде говоря, я больше напоминала уличного мальчишку, чем леди, хотя мне уже исполнилось десять лет. Но не думаю, что Горацио смеялся надо мной, потому что улыбка его была доброй.

– Ну, естественно, я ставлю на брата, – застенчиво ответила я.

Это была не совсем правда, но не могла же я сказать, за кого болею. Лаэрт был более ловким, а Гамлет – более искусным. Я наблюдала за принцем. Его сияющие глаза внимательно следили за боем, сильные мышцы на ногах и руках напряглись. Он позволил брату завоевать преимущество, потом поменялся с ним местами, парируя его выпады. Вскоре они объявили перемирие, обливаясь потом и демонстрируя рубцы и царапины, нанесенные своим самодельным оружием.

– Ты будешь хорошим бойцом на мечах и достойным противником... – начал Гамлет. Я видела, как Лаэрт расправил плечи и раздулся от гордости. – ...Лет через десять! – закончил Гамлет со смехом. Я заметила, что голос у него уже стал мужским.

Итак, жизнь в Эльсиноре, даже для детей, была полна конкуренции. Мы также привыкли к грубости и жестокости. Удары деревянным половником от повара, грубые слова школьного учителя и отсутствие отцовской заботы свидетельствовали о равнодушии мира к моим чувствам и к моему благополучию. Но все же, мне не приходило в голову, что кто-то может намеренно причинить мне серьезный вред. Поэтому я не была готова, когда Эдмунд, которого я считала обычным грубияном, стал угрозой именно для меня одной. Однажды он схватил меня за руку и стал говорить непристойности. Я не понимала их значения, пока не увидела его жесты. Тогда я просто отвернулась с отвращением. В другой раз он затащил меня за дерево и предложил монету, если я задеру перед ним свои юбки. Ни слова не говоря, я убежала от него, как испуганный олень.

– Если собираешься пожаловаться брату, я ему скажу, что ты ко мне приставала, как шлюха! – крикнул он мне вслед.

Больше от стыда, чем от страха перед угрозой Эдмунда, я не пошла к Лаэрту. Поэтому, когда Эдмунд в следующий раз поймал меня в коридоре Эльсинора, он смело прижал меня к себе и попытался поцеловать.

– Тебе это понравится, а если нет, тогда грош тебе цена, – произнес Эдмунд с презрением в голосе.

На этот раз я испугалась, хоть и не поняла, что именно этот грубиян собирается делать, когда он попытался залезть ко мне под юбку. Я старалась оттолкнуть его, но мне это не удавалось, потому что Эдмунд был сильнее Лаэрта. Потом, случайно, я попала коленом ему между ног, и он согнулся пополам, осыпая меня проклятиями, а я убежала.

Я не видела Эдмунда несколько недель и думала, что, наконец-то, избавилась от него. Поэтому я вернулась к своим обычным привычкам. Я обычно плавала одна, воображая себя большой, блестящей рыбой, какую видела на картинке в старинной книге. Делая медленные, бесшумные гребки, я скользила в воде, пока не доплыла до того места, где ручей делал поворот прочь от замка. Там ручей, миновав камни, где деревенские женщины стирали одежду, расширялся и впадал в спокойный пруд. Однажды я вплыла туда на спине, с закрытыми глазами, слушая резкие крики птицы, зимородка. Он скользил у края воды и перелетал от одного берега к другому. Я услышала слабый всплеск, но решила, что это зимородок нырнул за добычей. Затем я почувствовала, как кто-то схватил меня за щиколотку и потащил под воду. Я думала, что это Лаэрт дразнит меня, но он бы сразу же отпустил меня. Я ляглась и вырывалась, но хватка не ослабевала. Вторая рука схватила меня за плечо. Мне отчаянно нужно было вдохнуть воздух. Необходимо сохранить ясность мысли. Я расслабилась, мое тело обмякло, и я надеялась – мой противник решит, что я ему покорилась. Действительно, я почувствовала, что его хватка ослабела, быстрым движением вывернулась и выскользнула из его рук. Я вынырнула на поверхность и жадно глотнула воздух. И увидела Эдмунда, который быстро и яростно греб, уплывая от меня прочь.

– Ты, грязный, ползучий змей! Ты жаба, ты пиявка! – закричала я ему вслед. Он даже не оглянулся.

Я давилась водой, которой наглоталась, и в этот момент сильные руки обхватили меня сзади. Я опять стала вырываться, но тут увидела, что это принц Гамлет. Он вытащил меня на поросший травой берег. Тонкая сорочка прилипла к моему телу, руки и ноги дрожали от слабости.

– С каким это огромным глубоководным чудищем ты сражаешься, маленькая Офелия?

– С этим злым мальчишкой. Я его ненавижу! Но он со мной не справится, – сказала я с притворной бравадой. – Вон бежит эта жаба.

Я указала рукой на дальний берег ручья, по которому, крадучись, убежал Эдмунд, прячась в высокой траве. Гамлет нахмурился.

– Этот плут – сын казначея моего отца, тот и сам мошенник. Это доказывает, что яблоко от яблони недалеко падает, – сказал он. Видя, что я дрожу, он взял короткий плащ, который держал в руках и набросил его мне на плечи. – Тебе не следует находиться в его обществе.

– Вы думаете, это я его искала? – воскликнула я. – Он напал на меня!

– Тебе следует носить кинжал. Я не могу всегда быть рядом, чтобы выручить тебя из беды. – На этот раз он улыбнулся и его голубые глаза внезапно повеселели.

– Меня не нужно спасать, – возразила я, хоть и содрогнулась при мысли о том, что сделал бы со мной Эдмунд, если бы его не спугнуло появление Гамлета. – Я умею плавать, как форель, которая обитает в ручье, – похвасталась я, чтобы скрыть страх.

– Стоит только пощекотать форель, и она прыгнет к тебе в руки. – Гамлет подмигнул мне и пошевелил пальцами.

Предположив, что он собирается пощекотать меня, я стряхнула с плеч его плащ, соскользнула в воду и оттолкнулась от берега.

– Вы не сможете подманить меня, как рыбку, – сказала я, потому что мне не понравилась его насмешка.

– Действительно, не смогу, потому что ты подобно ужу из поговорки, всегда ускользаешь от меня, – крикнул он.

Я поплыла против течения, ощущая напор воды. Гамлет следовал за мной по берегу, подражая движениям пловца.

– Ну, прямо настоящая русалка! В верхней части женщина, а хвост рыбий.

Я не отличалась пышными формами русалки, мое тело было худеньким, как у мальчика. Зачем он меня дразнит? Я перевернулась на спину и забила ногами, стараясь забрызгать его красивую одежду и заставить отстать от меня. Но он лишь рассмеялся и приподнял край туники, чтобы показать мне, что он и так уже промок насквозь.

Когда я подплыла к тому месту, где ивы склонились над глубоким прудом, по которому стремительно протекал ручей, я перестала грести. Я уже начала задыхаться. Мой корсаж и юбка висели на ветке дерева на берегу, так далеко, что я не могла подойти к ним на глазах у Гамлета.

– До свидания, лорд Гамлет, – сказала я, намекая, чтобы он ушел.

Принц улыбнулся, поклонился и пошел прочь. Он взобрался на луг над ручьем, усыпанный золотистыми маргаритками.

– Я вернулся, мой добрый Горацио! Я только что поймал русалку. Никогда не думал, что найду такое чудо вдали от моря! – крикнул Гамлет со смехом.

Я увидела его друга на гребне холма, он наблюдал нашу встречу. За спиной Горацио едва виднелись вдали суровые стены Эльсинора.

Когда они ушли, я выползла из воды и надела согретую солнцем одежду под прикрытием ветвей ивы. Сердце мое стремительно билось от волнения.

Глава 4

Наверное, кто-нибудь поговорил с моим отцом о моей невоспитанности. Вскоре после происшествия у ручья он купил мне новое атласное платье и гребни из рога для волос. Не привыкшими к подобной работе пальцами отец распутывал пряди моих волос и расчесывал их, пока у меня не заболела голова. Потом велел мне ходить вместе с ним, когда он отправляется к королю, делать реверансы и кивать головой в присутствии королевы Гертруды, но ничего не говорить.

– Не смотри на солнце, иначе ослепнешь, а стой в его лучах, и пускай они тебя согревают, – наставлял он меня. Это было одним из многих высказываний отца, которые он заставил меня запомнить.

Правда, Гертруда была такой величественной и прекрасной, что я боялась взглянуть на нее, даже когда она прикоснулась к моим кудрям и спросила, как меня зовут.

– Это Офелия, моя дочь и мое сокровище, точная копия ее покойной и горячо оплакиваемой матери, – величественно произнес отец раньше, чем я успела открыть рот.

Гертруда приподняла мою голову за подбородок, и я посмотрела ей в глаза, серые, глубокие и загадочные.

– У нее милое лицо, очень красивая девочка, – прошептала королева. – И очень живая, по-моему, – прибавила она с улыбкой.

Меня охватило смутное чувство тоски, я опустила глаза и присела в глубоком реверансе.

После одобрительных слов королевы Гертруды моя судьба изменилась, я стала одной из приближенных. В тот же день отправили слугу за моим маленьким сундучком. Отец улыбался и напевал себе под нос, он радовался за себя.

Однако мне не хотелось переселяться. Хоть я не питала большой любви к отцу, его общество было мне привычным. И я не хотела менять свои привычки.

– Я не хочу покидать тебя и Лаэрта, – умоляющим тоном просила я.

– Но я не могу о тебе заботиться. Я понятия не имею, как воспитывать юную леди. С такой задачей лучше всего справятся женщины. – Отец говорил так, словно это истина, очевидная для всех, у кого есть хоть капля здравого смысла.

Я упиралась каблуками в землю и сопротивлялась, пока он тянул меня за руку.

– Идем же, хватит капризничать, – сказал отец, но уже мягче. – Прислуживать королеве – большая честь.

– Но что мне делать, если она будет недовольна, или будет грубо обращаться со мной?

– Повинуйся ей. Вот и все! Иди скорее, девочка, не будь глупой, – приказал отец, снова теряя терпение. Потом он вложил мне что-то в ладонь. Это был миниатюрный портрет моей матери в золотой рамке. Я почувствовала, что во мне загорелся слабый огонек отваги.

Путь от дома отца на задворках замка до покоев Гертруды в самом сердце Эльсинора показался мне долгим. Мы много раз сворачивали из зала в зал, и я почувствовала, что перестала понимать, куда иду. Я шла за слугой мимо жилых помещений придворных и министров, гораздо более просторных, чем комнаты отца. Я следовала за ним через караульные помещения, где спали, болтали и играли в кости мужчины. Они едва взглянули на нас, когда мы вошли в коридор, ведущий в покои королевы. Я шла все медленнее, разглядывая длинную галерею над обширным залом внизу. Ее стены покрывали гобелены, на которых были вытканы боги и богини, солдаты и охотники, дамы и единорог. Я начала думать, что, возможно, будет интересно проводить время среди такого великолепия.

Когда мы пришли в комнату возле спальни королевы, слуга оставил меня одну и ушел. В узкой, залитой солнцем комнате стояла кровать, табурет, кособокий стол и лежал тростниковый коврик. Там был камин, где я могла разводить небольшой огонь, чтобы согреться. Окно

выходило на юг, я выглянула из него и увидела далеко внизу сад и лабиринт. Не зная, что будет со мной дальше, я сжала в руке портрет матери, я чувствовала себя одновременно покинутой и избранной, полной отчаяния и надежды.

Хриплое дыхание и шаркающие шаги предупредили меня о чем-то приближении. Женщина преклонных лет вошла в мою комнату. Тучная, задыхающаяся, она все время вытирала свой влажный лоб и шею. Из-под ее шапочки выбивались белые кудри, похожие на ростки бледного мха. Это была Элнора, леди Вальдемар. На ее долю выпала незаслуженно неприятная обязанность обучать меня придворным манерам и руководить моим образованием. Она сразу же дала мне понять, какая это невыполнимая задача.

– Я слышала, что ты любишь сбрасывать юбки и плавать! Что ты бегаешь по дворцовой территории и дерешься с мальчишками! – От возмущения леди повышала голос в конце каждой фразы. – Это должно прекратиться, потому что нет ничего более неподобающего для придворной дамы королевы Гертруды. – Кудряшки Элноры запрыгали, когда она неодобрительно трясла головой.

Я считала несправедливым, что она меня ругает, но ответила только:

– Я очень хочу делать только то, что вам понравится. – Отец гордился бы таким ответом.

– Конечно, хочешь. Иначе тебя отошлют назад в ту пещеру, откуда ты явилась. Сколько тебе сейчас? Одиннадцать лет? И тобой все это время никто не управлял! Ба! Ни одна лошадь не станет терпеть уздечку и не кусаться после стольких лет.

Мне не понравилось, что меня сравнивают с лошастью.

– Я умею сама собой управлять, когда учусь, – возразила я. – Я могу часами сидеть, не двигаясь, когда читаю Птолемея или Геродота. – Я стремилась показать ей, что обладаю кое-какими достоинствами и достаточно образована.

– Больше ты не будешь изучать никаких философов древности, – твердо произнесла Элнора. – Ни одному мужчине не нужна жена, более ученая, чем он сам, он будет опасаться, что она окажется строптивой и заставит его носить юбки.

– Я не стану строптивой! – воскликнула я, вспоминая о том, как часто я превосходила Лаэрта в учении. Но потом прикусила язык. Нужно ли всегда возражать? – Пожалуйста, научите меня, как я должна себя вести, – покорно попросила я.

– Описание того, что ты должна узнать о правилах приличия, заняло бы много томов, – с усталым вздохом ответила она. – Девочки благородного происхождения обладают врожденными навыками достойного поведения. Другие могут тренироваться и научиться этому, но с очень большим трудом.

Я начала отчаиваться, но потом напредила себе о своей успешной учебе и поклялась овладеть этой новой наукой.

Затем Элнора заставила меня снять одежду, она осмотрела мои руки и ноги и пощупала пульс на запястье.

– Хорошее, крепкое тело. Сильные конечности и хорошее телосложение, – сказала леди одобрительным тоном, несколько обнадежив меня. Она обратила внимание на гладкие шрамы на моей спине и ногах, и я рассказала ей, как меня укусила собака.

– Ну, нечего стыдиться. Красота многих юных дам пострадала от оспы. Тебе еще повезло.

Она измерила мой рост, лентой обмерила талию и записала цифры. Сказала, что я должна иметь гардероб белья и простых платьев, соответствующих моему новому положению. Перспектива сменить поношенные, некрасивые платья, из которых я уже давно выросла, на новую одежду обрадовала меня. Я даже начала надеяться, что Элнора будет добра ко мне, если я не буду доставлять ей много хлопот.

Но в последующие дни мне часто бывало грустно, словно я переселилась за океан, а не просто на другую сторону двора Эльсинора. Я скучала по занятиям и по той радости, которую испытывала, бегая вслед за Лаэртом и его товарищами. Несмотря на то, что я попала в мир

женщин, я все равно чувствовала себя ребенком, которого все игнорируют, затерянного в этом новом царстве. Придворные дамы, с их яркими перьями и щебечущими голосами, напоминали множество птиц в золоченой клетке. А я была среди них простой малиновкой, я стремилась к свободе и не могла петь, сидя за решеткой.

Элнора сказала, что я не должна дуться и выражать недовольство. Она каждый день повторяла мне правило: «Леди должна всегда стремиться угодить: сначала – королеве, которой она служит, потом – мужчине, за которого выйдет замуж». Потом прибавляла: «Только ребенок может заботиться о собственном удовольствии. А ты, Офелия, уже не ребенок». От ее упреков мне становилось еще тоскливее, будто я виновата в том, что я – ребенок, и я должна искупить этот грех.

Стать леди, как я узнала, не так-то легко. Мне не давались новые уроки, особенно искусство вышивки. Дамы Гертруды гордились своим искусным владением иглой, но для меня эта тонкая, острая сталь стала орудием пытки. Я до крови исколола свои неуклюжие пальцы и загубила много ярдов шелка прежде, чем овладела самым простым швом. Я бы с радостью провела много часов за чтением или письмом, но за шитьем все время ерзала, а иногда плакала от скуки.

И все-таки я прилежно трудилась, радовалась самой крохотной похвале Элноры. Я верила, что ее доброе отношение, в свою очередь, расположит ко мне королеву. Я старалась думать так же, как отец. Я хотела быть послушной дочерью и не опозорить его неудачами в учебе. Поэтому я старательно трудилась на уроках музыки, в которой придворная дама обязана достичь совершенства. Мне удалось добиться успеха в игре на лютне, но мои неловкие пальцы запинаясь во время игры на клавесине. Я обнаружила, что талант пения дан мне от природы, и Элнора хвалила мой голос. Поэтому, чтобы развеселиться, я часто сочиняла песенки. Иногда они вызывали на круглом лице Элноры улыбку, от чего оно покрывалось морщинками.

Мне также хотелось угодить другим дамам, особенно Кристиане, потому что она была почти такого же возраста, как я, а мне так нужна была подруга. Кристиана была родом из знатной семьи, ведь ее отец приходился кузеном королеве. Благодаря необычно зеленым глазам, она казалась почти красавицей, несмотря на слишком длинный нос. В отличие от меня, она с удовольствием проводила долгие часы за шитьем, и гордилась своим искусством вышивальщицы. Она носила на корсаже треугольный нагрудник, расшитый ею самой листьями плюща и бабочками. Даже королева восхищалась им. Кристиана также умела искусно рисовать живую природу – птиц, цветы, лица людей, в которых я узнавала Гертруды и ее придворных дам.

– Ты бы не могла нарисовать мое изображение? – спросила я ее однажды. Она свысока посмотрела на меня, холодным, оценивающим взглядом.

– Не думаю. В твоем лице нет ничего примечательного, – ответила она и вернулась к своей работе.

Неужели я действительно такая некрасивая, удивилась я. В другой день я похвалила ее вышивку, думая, что лесть заставит ее смягчиться.

– Пожалуйста, научи меня этому новому стежку? – попросила я, протягивая ей свою вышивку. – Твоя работа такая аккуратная.

– Ну, тебе никогда не освоить такую вышивку, потому что у тебя толстые и неуклюжие пальцы, – ответила она, отстраняя мою руку.

В следующий раз я разучивала танец, веселый бранль¹, ведь все придворные дамы Гертруды должны были уметь грациозно танцевать. Я усиленно тренировалась, наслаждаясь быстрым стуком своего сердца. Это было почти то же самое, что бег и плавание, по которым я очень скучала.

¹ В средневековой Европе – быстрый круговой танец, хоровод. Исполнялся на народных гуляниях, позже стал бальным.

– Поглядите-ка на нее! – Кристиана показала на меня пальцем другим дамам. – Она прыгает, как коза. Как это некрасиво! Лучше бы надеть ей на ноги бубенчики и отправить плясать на деревенском празднике. – Они посмеялись между собой и все согласились, что мне следует проявлять больше сдержанности. В тот вечер Элнора нашла меня в слезах.

– Что теперь тебя огорчает? Брось, не надо дуться. Заболеешь из-за плохого настроения.

– Почему Кристиана так меня презирает? – плакала я. – Чем я ее оскорбила?

Элнора вздохнула и опустила свое большое тело на широкую скамью. Она похлопала ладонью по сиденью рядом с собой, я села и осмелилась слегка прижаться к ней. Она меня не оттолкнула.

– Теперь, когда ты живешь среди нас, Кристиана уже не занимает самое низкое положение и, используя свою небольшую власть, должна тебя мучить, – объяснила Элнора терпеливым и усталым голосом. – Ты видела, как куры во дворе клюют друг друга, и каждая курица выбирает ту, которая чуть слабее нее? Так и бывает, всякий раз, когда новая фрейлина появляется при дворе. Я видела это столько раз, что и не сосчитать за те двадцать пять лет, которые провела у королевы.

Я вздохнула.

– Двадцать пять лет! В два раза больше, чем я прожила. – Я еще чуть теснее прижалась к ней. – Что еще вы видели?

Элнора поколебалась, размышляя, ответить на мой вопрос, или послать с каким-нибудь новым поручением. Чтобы повлиять на ее решение, я подсунула подушку ей под спину, и пожилая леди с благодарностью откинулась на нее.

– Сейчас я состарилась и устала, – произнесла она, качая головой. – Но я не всегда была такой. Когда-то я была крепкой и хорошенькой, хоть и не такой красивой, как королева. То, что она выбрала меня прислуживать ей, стало честью, которую я не заслужила. Я помню, как плакала от радости, когда она выходила замуж за короля Гамлета. Тогда она была просто худенькой девочкой, благородного происхождения и настоящим образцом добродетели. Она выросла не при дворе, а в самом лучшем монастыре Дании. Король говорил, что взял в жены ангела, потому что в ней так идеально сочетались чистота и красота. Сам же он был светским человеком и воином. Он был мудрым королем, справедливым судьей для народа. Он выбрал моего достойного супруга, лорда Вальдемара, из всех дворян и сделал его одним из своих личных советников, – с гордостью сказала она.

– А как лорд Вальдемар выбрал вас? – спросила я. Элнора улыбнулась своим давним воспоминаниям.

– Его и мой отец участвовали вместе в битве против Норвегии много лет назад, и они обручили нас друг с другом, когда мой господин был еще подростком, а меня еще не отняли от груди, – ответила она.

Мне очень хотелось спросить, была ли она матерью, но я не посмела. Леди, тем не менее, казалось, прочла мои мысли.

– Господь не благословил нас детьми, увы, к моему сожалению, – сказала она со вздохом.

– Но, да свершится воля Божья, желаю я этого, или нет, – прибавила она горячо. – Вместо этого мне выпало ухаживать за королевой во время ее беременностей и родов. Несколько из них закончилось несчастьем, дети рождались преждевременно. Это смертельно опасное путешествие длиной в девять месяцев, ты знаешь, как для матери, так и для ее ребенка.

– Я это знаю, – прошептала я.

– Затем появился на свет принц Гамлет, он орал и буйствовал с того момента, как сделал первый вздох. Хоть он был крепким, как молодой дубок, мать боялась несчастного случая, или внезапной болезни. Она не спускала с него глаз. Но когда королева отдыхала, я позволяла ему носиться по лугу, чтобы закалить его. Иногда я притворялась, что это мой собственный сын, он так легко вызывал к себе любовь других людей. Теперь мальчик и не вспоминает старуху

Элнору. – Она шмыгнула носом и вытерла глаза. Потом посмотрела на меня, будто удивилась моему присутствию. – Мне не следовало рассказывать тебе такие вещи! – сказала она, упрекая себя. – Сиди прямо, а не как слизень. Нет, вставай. Иди и аккуратнее уложи свои волосы.

– Обещаю, что не буду болтать, – пообещала я. Взяла ее руку, распухшую, с узловатыми суставами, в свои маленькие ладошки, которые вовсе не были, как утверждала Кристиана, толстыми и неуклюжими. Затем я встала и сделала то, что она мне велела.

Я научилась угождать Элноре, чтобы она стала добрее ко мне относиться. Я не утомляла ее болтовней, как часто делали молодые дамы, а слушала, как она делилась со мной своими богатыми воспоминаниями. Пожилая леди рассказала мне о мрачных временах, когда Дания вела войну с Норвегией, и долгая засуха вызвала голод в деревне и в замке. Она мне рассказала, как однажды вспыхнула странная чума, и заболели сотни людей, и среди них Гертруда, и как она спасла королеву на самом краю гибели, и Гертруда полностью выздоровела.

Я с удивлением обнаружила, что Элнора обладает глубокими познаниями в области снадобий и лекарственных трав. Придворные и дамы шли к ней за любовными зельями из фиалки трехцветной – еще одно название моих любимых цветов. Страдающие воспалением легких предпочитали ее простой, но жгучий горчичный пластырь. Так как у Элноры было слабое зрение, а колени распухли, я помогала ей выкапывать корни и отмерять крохотные щепотки сушеных растений. Я ходила за ней следом, как близкая подруга, выполняла ее поручения и предвосхищала ее желания.

Вместе с Элнорой я в первый раз пришла к знахарке Мектильде, о ее искусстве врачевания в Эльсиноре ходили легенды. Мектильда была таинственной затворницей, немногие ее видели. Она жила в дальнем конце деревни, куда я никогда не добиралась. Время от времени Элнора навещала знахарку, чтобы купить те лекарственные растения, которые не росли в Эльсиноре, и снадобья, которые умела готовить только Мектильда. Я молила Элнору разрешить мне пойти туда вместе с ней. Мне не только хотелось познакомиться с этой странной женщиной, но я уже много месяцев не покидала Эльсинор, и мне очень хотелось опять побывать в лесу. Однажды Элнора смягчилась, и мы отправились из замка на носилках с задернутыми занавесками, которые несли слуги. Так мы миновали деревню и остановились на опушке леса. Нам предстояло пройти пешком последний отрезок пути до дома Мектильды, так как Элнора держала в тайне цель своего путешествия. Она опиралась на мою руку. Я помогала ей обойти камни на тропе и отводила в сторону колючки и ветки, цеплявшиеся за ее юбки.

– Я рассказывала тебе о том времени, когда Мектильду обвинили в колдовстве? – спросила Элнора, остановившись передохнуть около большого камня. – Обвинивший ее человек отказался от своих обвинений после того, как его тело усыпали загадочные болячки. Некоторые говорили, что это доказывало его обвинения, а другие говорили, что это его Бог наказал за злонамеренную ложь.

Мои глаза широко раскрылись от изумления.

– Она колдунья? – спросила я. – Я читала о людях, которые занимаются черной магией.

– Она могущественна, но злу не служит. И все же я бы не стала ее обманывать или сердить, – ответила Элнора.

Маленькая хижина Мектильды под соломенной крышей примостилась у опушки леса. На поляне раскинулся обширный сад, полный знакомых и невиданных растений, из которых готовились всевозможные лекарства и мази, применяемые при дворе. Знахарка вышла нам навстречу медленными шагами. Она выглядела скорее слабой, чем могущественной, и совсем не опасной. Рядом с ней бежал маленький черный песик, такой же худой и старый, как его хозяйка. Я сторонилась его до тех пор, пока этот маленький зверек не лизнул мою руку, словно по-дружески приветствовал меня, и я невольно улыбнулась ему.

– Не бойся, он тебя не укусит, – сказала Меткильда. Несмотря на согнутую почти вдвое спину, она смотрела на меня черными глазами, которые, казалось, знали все мое прошлое, пока Элнора излагала ей свое дело.

– Королеву в последнее время мучит бессонница по ночам. Она просыпается и не может снова уснуть, и у нее сильно бьется сердце. Овсяная вода с толченым маком уже не приносит облегчения.

Меткильда понимающе кивнула и поманила нас за собой в сад. Его пышная, дикая растительность окутала нас, и странные ароматы проникли в мой нос. Растение с черным стеблем возвышалось над нами, его темно-зеленые листья, шире ладони человека, прикрывали пурпурные цветы-колокольчики. Меткильда задумчиво потрогала их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.